

УДК 821.112.2: 821.161.1

С. В. Кирьянова

ФАУСТ Ф. М. КЛИНГЕРА: В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

114

Осуществлен анализ влияния русской культуры на героя философского романа Ф. М. Клингера «Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад». Специфические черты русской ментальности, присущие герою, анализируются в связи с обстоятельствами создания романа, написанного Ф. М. Клингером в России.

This article presents an analysis of the influence of Russian culture on the central character of F. Klinger's philosophic novel Faust's Life, Deeds, and Journey to Hell. The typical traits of Russian mentality exhibited by the character are examined in the light of the fact that the novel was written in Russia.

Ключевые слова: Ф. Клингер, Фауст, Гёте, русская культура, литературный характер, литературный герой.

Key words: F. Klinger, Faust, Goethe, Russian culture, personal traits in fictions, literary character.

Исторически сложилось так, что сближение двух культур — явление достаточно распространенное и, как правило, оказывающее большое влияние на обоих участников диалога. Культурно-исторические связи России и Германии всегда имели особое значение. Уже с конца XVIII в. немцы массово переселялись в Россию, и этот процесс лишь усилился на протяжении следующего столетия. В. Меркулов справедливо отмечает, что «научное и культурное сотрудничество двух великих наций стало феноменальным явлением в мировой истории» [4, с. 45].

Настоящая статья посвящена Фаусту — классическому немецкому герою, вовлеченному в русско-немецкий литературный диалог благодаря Ф. М. Клингеру.

«Фауст», созданный Ф. М. Клингером, отчасти имеет русскую историю, поскольку это произведение Фридрих Клингер написал в России.

Что касается фактов и предположений о его *бегстве* из Германии, то следует согласиться с И. Н. Лагутиной, которая справедливо, на наш взгляд, полагает, что Россия представлялась Клингеру утопической страной, своего рода «землей обетованной», которая манила его надеждами обрести свободу, независимость, да и обеспеченность, конечно, — особенно на фоне того ощущения ненужности, которое преследовало его в Германии [3]. Из других источников известно еще об одной возможной причине отъезда Клингера — это нежелание попасть в руки настойчивых вербовщиков, которые помогали Англии собрать экспедиционный корпус для усмирения *бунтовщиков* в Америке. Но, каковы бы ни были истинные намерения писателя, получив сто дукатов и рекомендательное письмо герцога Вюртембергского, он смог добраться

до Петербурга. И уже здесь в 1790 г. из-под пера Клингера выходит «Фауст» — первый из социально-философских романов, написанных им за десятилетие, проведенное на «новой родине». Думается, мы можем с уверенностью говорить о том, что русская ноосфера Петербурга наложила определенный отпечаток на общий дух произведения и на характер главного героя.

Однако остановимся сначала, условно говоря, на *немецкой оппозиции* в том диалогическом пространстве, которое было смоделировано в конце XVIII в. появлением «Фауста» Клингера. Герой романа пропитан духом бунтарства, чьи истоки долго искать не придется: многие люди, знавшие Клингера, называли его «безбожником и вольнодумцем». Такому определению характера писателя способствовало, очевидно, в первую очередь появление его драмы «Буря и натиск», имевшей, как известно, особый резонанс в литературном процессе Европы. Правда, бунтарство героя во многом отличается от подобных характерологических черт автора. Если Клингер был известен своим неприятием религиозного фанатизма в Германии и других европейских странах, то бунт Фауста — в его сомнениях по поводу устройства этого мира, с которым он не хочет и не желает мириться. Фауст полагает, что человек не заслуживает дисгармонии, царящей в мире, и именно поэтому он во многом оправдывает и возвеличивает людей: «Отправимся в путешествие, и я заставлю тебя, Дьявола, поверить в нравственную ценность человека» [2, с. 59].

Заметим, что у Гёте Фауст не преследует такой высокой оправдательной цели — он смотрит на мир с крайним пессимизмом, проклиная все существующее в мире, начиная со лжи и самомнения и заканчивая семьей, любовью и надеждой, и готов покончить с собой. Герой же Клингера стремится доказать, что человек не так плох, а мир не так ужасен, и его вера передается читателю, который пока еще не знает, сколь жестоко обойдется Клингер с этой верой в конце книги.

Мы можем предположить, что подобный литературный характер «воспитан» автором не случайно. То положение вещей, о котором говорит Фауст: «Почему же кто-то один, избранный, облеченный властью, может... попирает всеми признанные права? Как смеет человек... так терзать другого человека?» [2, с. 95], — весьма распространено во всем мире, но нельзя отрицать, что в России оно особенно выражено. Вольнодумцы и борцы — вообще излюбленные типы русской литературы, а для русской творческой интеллигенции всегда была характерна политическая оппозиционность.

Если мы остановимся на чертах характера героя и постараемся сравнить классического Фауста Гёте с Фаустом Клингера, мы увидим, насколько сильно повлияла жизнь в России на последнего и на его героя. Гётевский Фауст — немец до мозга костей. Он рассудителен, прагматичен. Ради чего он связывает себя договором с Дьяволом? Если мы вспомним первые строки гётевского Фауста, то обнаружим, что ему... просто скучно. Он «богословьем овладел, над философией корпел, юриспруденцию долбил и медицину изучил», но тем не менее «не нашёл чести и добра и не вкусил, чем жизнь остра» [1, с. 17]. В итоге герой

позиционирует себя как человека, который «разумнее многих хватов, врачей, попов и адвокатов» [1, с. 17], а единственное его желание, стремление — выйти за рамки обыденного и познать то, что доселе было никому не доступно. Он ставит себя выше земного и брэнного, никакие науки не приносят ему удовлетворения, никакой труд не радует ум. Вот скука, которая томит героя. Он хочет переступить границы ради того, чтобы вознестись на небывалую высоту и познать то, что никогда не было дано познать смертным. Даже в этом страшном решении Фауст жаждет возвысить себя. «Живейшие и лучшие мечты в нас гибнут средь житейской суеты» [1, с. 26], — говорит Фауст, и именно от этой житейской суеты он и старается уйти, заложив свою душу.

А что же Фауст Клингера? Здесь совсем иной мотив, ибо в корне иной характер. Этот Фауст не немец; по крайней мере, он не истинный немец. Он хаотичен в мыслях и делах, он порой абсурден, он говорит одно, думает другое, а делает третье. Он подвержен порывам, им движет не разум, а душа и сердце, которое томится вовсе не от скуки. Фауст Клингера — человек высоких душевных порывов. Как и многие герои русской литературы, он обеспокоен мирской несправедливостью, жестокостью, черствостью людей и Бога, взирающего на этот мир со своих высот и допускающего все то, что не дает покоя бунтующей душе благородного человека. Фауст, как и многие герои, познал всю силу «горя от ума», когда человек постоянно ищет истину даже там, где, возможно, ее нет и не будет.

Фауст Гёте — скупающий гений, Фауст Клингера — разочаровавшийся идеалист.

У Клингера Фаустом движет что угодно, в зависимости от обстоятельств. Он совершает нелогичные поступки, движимый благородными желаниями. Получается парадоксальный антагонизм: «Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо», — читаем мы у Гёте строки о Дьяволе. Фауст Клингера, напротив, вечно хочет блага, а совершает зло. «Посредством своих решительных действий он выступает настоящим разрушителем» [6, S. 293]. Он мечется между своими идеалами и возможностями, которые подарил ему Мефистофель. С одинаковой чувствительностью он бросается на спасение преступника и полностью отрекается от желания делать добро. Клингер почти дословно использует «Характеристики благородных европейских народов»¹, особенно в эпизоде, где Дьявол объясняет Фаусту, почему его, Дьявола, так занимает эта противоречивость человечества [6, S. 293]. Итак, характер клингерского Фауста — во многом «обрусевший». Клингер достаточно времени провел в России и мог полноценно познать русскую душу, более того, сам впитал в себя многие из русских черт.

Но мы будем крайне несправедливы к Фаусту и Клингеру, если скажем, что в портрете героя отсутствуют немецкие штрихи. Фауст стоит между двумя культурами, а значит, помимо приобретенных русских особенностей, должен иметь «врожденные» немецкие черты. И он

¹ «Charakteristik der vornehmsten europaeischen Nationen» (1772) — рецензия Гёте, написанная им совместно с И. Г. Шлоссером и И. Г. Мерком.

ими обладает. Фауст довольно расчетлив в вопросах материального достатка и выгоды. Везде, где ему предоставляется возможность выгадать для себя какое-либо удовольствие, он не отказывается и охотно принимает все, что идет ему в руки (например, в эпизодах с монахиней Кларой и с женой бургомистра). В эти моменты моральная сторона души Фауста временно выключается и он мыслит весьма прагматично. Правда, затем следуют глубокое разочарование, раскаяние и совершенно русские самобичевание и неудовлетворенность. Клингер объединил в своем герое гамму различных чувств и эмоций, которые делают Фауста настолько многогранным, настолько удивительным человеком, что познание его души и ума становится для читателя уникальным опытом.

Клингер положил начало «русской фаустиане». И это еще один факт, не только доказывающий литературное родство русской и немецкой культур, но также подчеркивающий, что Фауст, придя в Россию, не оставил равнодушными целый ряд великих русских писателей, которые не только благодаря Гёте, но и благодаря Клингеру развивали русскую фаустовскую тему.

Перо А. С. Пушкина не обошло стороной эту классическую легенду. В «Московском вестнике» (1828 г., №8) появляется целый ряд фрагментов, посвященных Фаусту. Они не были соединены воедино и, собственно, не особо связаны с классическим «Фаустом» Гёте. Созданный И. С. Тургеневым рассказ в письмах «Фауст», напротив, довольно тесно переплетается с «Фаустом» Гёте, причем не только с самим произведением, но и с морально-этическими исканиями автора. Как пишет Леа Пильд в своей статье, посвященной рассказу Тургенева «Фауст», «необычайно актуальной для Тургенева... становится проблема ограничения себя, отказа, отречения от важнейших жизненных ценностей. Эта же проблема является узловой точкой жизненных противоречий персонажей в рассказе “Фауст”. <...> Отречение является также одним из важнейших мотивов книги мемуаров Гёте “Поэзия и действительность”. В четвертой части Гёте рассматривает “отречение” как одну из важнейших сущностных закономерностей человеческой жизни» [5].

Отзвуки гётевского «Фауста» мы можем увидеть даже в «Дон-Жуане» А. К. Толстого.

Фауст заронил зерно, которое дало ростки в русской литературе и инициировало уникальный русско-германский диалог, протянув нить литературного взаимодействия между писателями, относящимися к разным культурам, но обладающими сходными взглядами.

Список литературы

1. Гёте И. В. Фауст: трагедия / пер. с нем. Б. Пастернака. М., 2006.
2. Клингер Ф. М. Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад. М., 1961.
3. Лагутина И. Н. Образ России в романе Ф. М. Клингера «Фауст» // Новые российские гуманитарные исследования: электронно-периодическое издание. URL: http://www.nrgumis.ru/articles/archives/full_art.php?aid=52&binn_rubrik_pl_articles=253#Lag (дата обращения: 19.06.2011).
4. Меркулов В. И. Откуда родом варяжские гости? (Генеалогическая реконструкция по немецким источникам). М., 2010.

5. Пильд Л. Рассказ И. С. Тургенева «Фауст» (семантика эпиграфа) // Ruthenia: [сайт]. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/465064.html> (дата обращения: 19.06.2011).

6. Dahnke H.D., Hoehle T. Geschichte der deutschen Literatur 1789 bis 1830. В., 1978.

Об авторе

Светлана Владимировна Кирьянова – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, e-mail: s.kiryanova@inbox.ru

About author

Svetlana V. Kiryanova, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, e-mail: s.kiryanova@inbox.ru